

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**

ИСЛАМ

**РЕЛИГИЯ,
ОБЩЕСТВО,
ГОСУДАРСТВО**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1984**

ББК 86.38
И 87

Ответственные редакторы
П. А. ГРЯЗНЕВИЧ, С. М. ПРОЗОРОВ

**Ислам. Религия, общество, государство. М.,
И 87** Главная редакция восточной литературы издатель-
ства «Наука», 1984.

232 с.

В основу статей сборника легли доклады, прочитанные на ежегодных сессиях ленинградских арабистов начиная с 1976 г. Собранные вместе, они составили как бы единое исследование таких аспектов истории ислама, как возникновение мусульманской религии и Коран; религиозно-политическая идеология ислама и ее развитие; ислам и общество; ислам и государство.

И $\frac{0400000000-174}{013(02)-84}$ 15-84

ББК 86.38

ИСЛАМ

Религия, общество, государство

*Утверждено к печати Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор Л. В. Негря. Младший редактор И. И. Исаева. Художник Г. И. Шиф. Художественный редактор Э. Л. Эрман. Технический редактор В. П. Стуковнина. Корректор Р. Ш. Чемерис

ИБ № 14889

Сдано в набор 20.03.84. Подписано к печати 29.08.84. Л-012891. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 14,5. Усл. кр.-отт. 14,75. Уч.-изд. л. 16,2. Тираж 15 000 экз. Изд. № 5606. Зак. № 209. Цена 1 р.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука». Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1984.

А. С. Боголюбов

ПРЕСЕЧЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ В МУСУЛЬМАНСКОМ ПРАВЕ (VIII—IX вв.)

Исламское право было кодифицировано во второй половине VIII в. выдающимися правоведами Абу Йусуфом Йа'кубом и Мухаммадом б. ал-Хасаном аш-Шайбани, сочинения которых и легли в основу данной статьи¹. Кроме них использовано сочинение Абу-л-Хасана 'Али ал-Маварди «ал-Ахкам ас-султанийа»², относящееся уже к XI в., но вобравшее в себя правовые разработки великих предшественников.

Напомним некоторые основные принципы исламского права. Во-первых, исламское право в противоположность классическому римскому праву является неотъемлемой частью религии и мыслится как единая правовая система для всех мусульман. Исполнение его предписаний является как бы особой формой богослужения, а личное благочестие должно гарантировать соблюдение правовых норм. Во-вторых, теория исламского права создавалась и разрабатывалась не как обобщение и систематизация общественного правового опыта, а как схоластические и умозрительные построения на основе Аристотелевой логики, коранических предписаний и прецедентов из жизни пророка Мухаммада и его ближайших сподвижников. При этом огромное влияние на понимание и истолкование этого правового материала оказали правовые представления богословов и правоведов неарабов, по преимуществу персов, ревностно занимавшихся вопросами права. В-третьих, исламское общество в принципе бессословно — все взрослые и здоровые мужчины-мусульмане равны перед Аллахом и его законом. Правоответственность женщин и невольников вдвое меньше, чем свободных мужчин. Никакие привилегии или изъятия сословного характера исламское право не учитывает.

Правоведы раннего ислама весьма подробно разработали шкалу преступлений и преступных действий, их пресечение и наказание за них, к которым могли прибегнуть правители и их должностные лица в случае нарушения религиозных предписаний и диктуемого ими общественного порядка. Однако правовые представления широких масс и образованной части населения существенно расходились, и поэтому наказания налагались с учетом этих представлений, дабы их воздействие было как можно эффективнее. Набор карательных мер и мер пресечения был невелик и прост:

Высшая мера — смертная казнь, чаще всего перерубание шеи (но не отсечение головы совсем); возможно также четвертование, распинание, удушение и другие виды умерщвления;

кисас — членовредительные наказания за предумышленное калечение по принципу талиона (око за око, зуб за зуб);

дийа — выкуп за убийство или пролитие крови;

хадд — сечение бичом или битье палками — от 40 до 100 ударов;

та'зир — назидательное наказание, сечение бичом — не более 39 ударов;

хабс — лишение свободы, заключение в тюрьму;

адаб и *да'ва* — предупреждение, увещание, общественное порицание, подразумевающее раскаяние в содеянном.

Помимо наказания на нарушителя закона могли быть наложены штрафы и различные искупительные кары, несколько напоминающие христианскую епитимью.

В соответствии с исламской правовой доктриной преступление состоит в совершении того, что запрещено законом, или в неисполнении того, что им предписано или приказано властью. Вместе с тем очень последовательно проводится идея о возможно более полном уравнивании правонарушения и наказания за него. Уже отмечалось, что женщины и рабы вдвое менее правоответственны, чем свободные мужчины. Это же относится к больным, находящимся под опекой и имеющим тяжелые физические недостатки. Но и взрослые здоровые мужчины, будучи формально равны перед законом, могут быть по-разному наказаны за одинаковые преступления, ибо принималось во внимание, что, чем образованнее человек, чем искушеннее он в делах веры и права, тем выше его ответственность, тем строже с него спрашивается. С другой стороны, именно такого человека легче исправить убеждением, воздействовать на него штрафом или угрозой общественного осуждения. Человек же малообразованный, хуже отдающий себе отчет в содеянном, не может отвечать так, как образованный, но и исправляют его и наказывают средствами попроще, не трата лишних слов.

Самыми серьезными считались преступления, прямо направленные против ислама: вероотступничество, поношение веры и мятеж. Однако никогда смертная казнь за эти преступления не считалась законной, если не были рассмотрены все сопутствующие обстоятельства. Преступник всегда должен был иметь возможность покаяться и тем избежать смертной казни и понести более легкое наказание. При этом принималось во внимание то, что человек образованный несет ответственность сам, а темный должен разделить ее с тем, кто совратил его в неверие или подстрекнул к мятежу. Естественно, что в случае отказа от заблуждения виновный освобождался от наказания.

Исламские правоведы разошлись в мнениях относительно наказания женщины, отступившей от ислама. Одни считали, что в случае упорства в заблуждении ее предают смерти, другие

же, к которым относились Абу Ханифа и Абу Йусуф, считали, что ее не убивают, а заключают в тюрьму, где сначала убеждают отступить от неверия, если же она противится, то ее заставляют это сделать. Принуждение, допускающее даже пытку, особо оговаривается только для отступников от ислама, которых надо вернуть в истинную веру. Так, Абу Йусуф приводит письмо 'Умара б. 'Абд ал-'Азиза одному из его наместников, который спросил, как поступить с обращенным в ислам иудеем, вернувшимся к прежней вере: «Убеждай его вернуться в ислам. Если примет ислам, то отпусти его, если откажется, прикажи растянуть его на кресте. Если откажется, свяжи его, приставь копьё к сердцу и снова убеждай. Если вернется в ислам, отпусти его, а если откажется, тогда убей»³.

Так же расценивалась ответственность за убийство или иное тяжкое преступление, караемое смертью: зависимый или подневольный человек мог быть вообще освобожден от наказания, если он совершил преступление по приказу или по коварному наущению, ответственность же полностью ложится на истинного виновника преступления.

Группа преступлений, за которые полагалось наказание *хадд*, охватывает правонарушения, ведущие к нарушению общественного порядка и порче нравов, но не направленные против религии и власти, например кощунства и поношения, не сочтенные вероотступничеством, развратные действия, воровство, оговор и клевета, мошенничество, пьянство, нарушение норм вступления в брак и многое другое. Человека, знавшего, что его поступки преступны, наказывали полной мерой и сверх того приговаривали к солидному штрафу и искупительным пожертвованиям. Случалось, что осужденный и после наказания не раскаивался, тогда его следовало содержать в тюрьме и добиваться раскаяния увещанием, строгим режимом содержания и дополнительным сечением.

За незначительные нарушения закона и порядка обычной мерой был *та'зир* — назидание. Само название говорит, что эта мера понималась не как возмездие, а как воздействие на нравственность нарушителя. Здесь судья располагал весьма разнообразными возможностями — начиная от общественного осуждения и кончая изгнанием на год или сечением плетью (до 39 ударов). Если смертная казнь и наказание *хадд* налагались за тяжкие преступления, случавшиеся не так уж часто, то *та'зир* был самым распространенным средством в судопроизводстве. Судья должен был заботиться о том, чтобы налагаемая им мера была максимально действенна в отношении личности наказываемого. Так, человека, занимающего достойное место в своем кругу, было предпочтительно подвергнуть общественному порицанию, приговорить его к домашнему аресту на длительный срок, что нанесло бы урон его делам и серьезно повредило бы его общественному положению, наложить большой штраф и обязать принести искупительные жертвы. Наказание же плетью

ми вызвало бы только недовольство окружающих, как совершенно неоправданная жестокость по отношению к уважаемому человеку. И напротив, совершенно неоправданной жестокостью по отношению к простолюдину, живущему своим ежедневным трудом, было бы лишить его возможности работать или наложить на него штраф, когда вполне достаточно сечение плетью с последующим раскаянием. Раскаяние в содеянном и возможное исправление или возмещение причиненного ущерба было обязательным завершающим моментом в любом случае. Виновный обязательно должен был извиниться и раскаяться, в противном случае вся процедура порицания и увещевания повторялась. Абу Йусуф прямо рекомендует «увещевать, пока не раскается».

Все сказанное вовсе не означает, что какие-то группы лиц в принципе были освобождены от телесных наказаний. Известно, что им подвергались чиновники весьма высоких рангов. По одной версии, сам Абу Ханифа был заточен в тюрьму и бит плетью за неподчинение халифскому приказу⁴. Это вызвало возмущение как частный случай, но не как общее положение.

Различный подход к представителям средних и высших слоев общества и его низов наблюдается и при рассмотрении самого процесса суда. Напомним, что в исламе сосуществовали великолепно разработанная, почти безупречная со стороны внутренней логики правовая система, которая в быту оказывалась малодейственной из-за своей сложности, и правовая потребность и правовые представления народных масс, нуждавшихся, может быть, в не столь совершенной, но оперативной и, главное, понятной правовой практике.

Мусульманское процессуальное право не знает института адвокатуры. Подсудимый или ответчик должен сам защищать себя или пользоваться посредничеством доверенных лиц (если к суду привлекаются женщина, больной, отсутствующий и т. д.). Простолюдин, которого притащили в суд за драку, мелкую кражу, ругань или за что-нибудь подобное, обычно знал, что он сделал и что ему за это полагается, чисто практически, т. е. на опыте своем и других. В тонкости процесса он углубляться не мог, да и не решился бы. Куда проще получить положенные плети и отправиться восвояси. Человек же образованный мог вступить с судьей в спор, он был требовательнее к самому процессу судебного разбирательства и чувствительнее к нарушениям его на любом этапе.

Упрощение судопроизводства мыслилось законоведами как явление временное, пока культурный уровень мусульманского населения не поднимется настолько, чтобы воспринимать весь правовой комплекс. Каким же образом широкие народные массы получали правовое воспитание? Как доходили до них правовые знания? Какой-то минимум этико-правовых знаний и навыков мусульманин получал в семье и от ближайшего окружения,

как и другие бытовые знания. Еще один путь — гласное отправле- ние правосудия. Мусульманское процессуальное право требо- вало, чтобы суд был гласным и открытым, чтобы разбор дела не прерывался без необходимости, решение не откладывалось, а наказание приводилось в исполнение немедленно. Умелый судья или администратор, отправляющий правосудие, старался использовать сам процесс для воспитания народа. Примеров то- му множество⁵. В свою очередь, разбор важного дела извест- ным судьей привлекал массу народа, и его подробности пере- давались из уст в уста. Большое значение для общественного правового воспитания имели публичные диспуты с участием крупных законовевдов. На них могли присутствовать все, кто су- мел попасть. Зачастую попасть было сложно для многих, но тем не менее это способствовало распространению правовых знаний среди людей, не имевших специальной подготовки.

Судопроизводство и правовая практика являются темой ог- ромного числа фольклорных повествований. Анекдоты и прит- чи, хотя и повествующие, как правило, о недобросовестных или неумелых судьях и законниках, подводят слушателя к правиль- ному пониманию излагаемого казуса; или же на помощь по- страдавшему от беззакония приходит знающий законовед-люби- тель и находчиво исправляет дело. Широко известна и любима очаровательная новелла из «1001 ночи» о диспуте прекрасной и мудрой Тавадуд с четырьмя мудрецами. Рассказчик мог каждый раз заменять одни казусы на другие по своему усмотрению, и это была очень действенная форма правового воспитания.

Подводя итоги, можно сказать, что мусульманское право су- ществовало, с одной стороны, в виде изощренных теоретических спекулятивных построений, а с другой — в виде упрощенной практической деятельности. Основным методом регулирования и воздействия права на народ были наказания, в основном те- лесные, которым в принципе мог быть подвергнут каждый му- сульманин без каких-либо сословных изъятий. Это освящено словами Мухаммада: «С помощью наказания делается добро для жителей земли»⁶.

Что же касается самого мусульманского права, то в полном объеме оно было доступно лишь немногим. Право, как часть всего богословского комплекса, было вершиной, к которой стре- мились лучшие умы Халифата, а затем и всего мусульманского мира. Овладевший этими знаниями становился человеком неза- урядным и мог претендовать на преимущественное положение на всех поприщах общественной жизни. Именно знание права давало богословам такой общественный вес, что с ними долж- ны были считаться правители всех рангов, вплоть до халифа. Влияние правоведов-богословов на все социальные процессы в Халифате было столь велико, что их следует считать ведущей частью элиты, ибо именно ими разрабатывался и укреплялся тот идейный стержень, на котором держалось государство. Да

и само мусульманское право следует считать явлением элитным, созданным искусственно относительно небольшой группой ученых и внедренным в широкие массы законодательным путем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Абу Йусуф Йа'куб. *Китаб ал-харадж*. Ал-Кахира, 1346/[1938]; Мухаммад б. ал-Хасан аш-Шайбани. *Ал-Джами' ас-сагир фи-л-фикх*. Булак, 1302/[1885].

² Ал-Маварди, Абу-л-Хасан *Али б. Мухаммад. *Китаб ал-ахкам ас-султанийа*. Бонн, 1853/1269.

³ Абу Йусуф. *Китаб ал-харадж*, с. 217.

⁴ Абу Захра, Абу Ханифа. [Б. м., б. г.], с. 52.

⁵ *Сиасет-намэ*. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-мулька. Пер. Б. Н. Заходера. М.—Л., 1949, с. 144.

⁶ Абу Йусуф. *Китаб ал-харадж*, с. 181.